A31 G/100

2091.

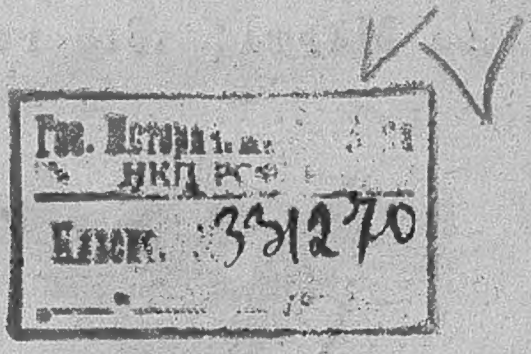
A XXXI 6/100

РѢЧЬ
ПРЕЗИДЕНТА
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ,
ПОПЕЧИТЕЛЯ
САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА;
ВЪ
ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ
ГЛАВНАГО
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА,
22 МАРТА, 1818 ГОДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.
1818.

In every exertion of duty something must be hasarded.

BURKE.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Τὸ πέρας ὡς ἄν ὁ δαίμων βουληθῇ πάντων γίγνεται, ἡ δὲ προαίρεσις αὐτη τὴν τε συμβέλε διάνοιαν δηλοῖ.

DEMOSTH.

Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія учредивъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ двѣ каѳедры для преподаванія восточныхъ языковъ, по Высочайшему повелѣнію призвало изъ Парижа ГГ. Деманжа и Шармуа, образовавшихся тамъ наставленіями извѣстныхъ Орїенталистовъ: Сильвестра-де-Саси, Ланглеса, Шези и другихъ.

Приличнымъ казалось ознаменовать открытіе сихъ каѳедръ особеннымъ

торжествомъ, вмѣстѣ съ возобновленіемъ каѳедры исторіи, порученной Профессору Раупаху.

Президентъ Императорской Академіи наукъ, по должности Попечителя Санктпетербургскаго учебнаго округа, нашелъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ участвовать въ семъ торжествѣ, что онъ давно желалъ преподаванія восточныхъ языковъ въ Россіи, основаннаго на твердыхъ и прочныхъ началахъ; а преподаваніе исторіи почиталъ всегда главнымъ дѣломъ народнаго воспитанія.

Разсуждая о предметахъ равно важныхъ для всѣхъ, Президентъ Академіи наукъ говорилъ, какъ мыслилъ. Слава Монарху, благопріятствующему безпристрастнымъ изслѣдованіямъ всѣхъ истинъ и скромному излiянію каждаго чувства души!

РѢЧЬ

ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Государь Императоръ, великодушный покровитель всѣхъ общеполезныхъ знаній, нынѣ щедрою рукою открываетъ новое поприще, новые пути въ святилищѣ наукъ и просвѣщенія. Да будетъ наша первая мысль, наше первое чувство, признательность къ Нему, къ нашему Великому Монарху, который, герой въ порфирѣ, гражданинъ на тронѣ, миротворецъ на полѣ брани, законодатель и просвѣтитель, блистаетъ подъ эгидою святой вѣры и святаго человѣколюбія; къ Монарху, коего глава украшена первою діадимою въ свѣтѣ, и который въ древнемъ Римѣ заслужилъ бы отъ равныхъ скромный, но славный вѣнокъ гражданской доблести.

Но какъ можемъ мы достойно изобразить наши чувства? Чѣмъ можете вы, юные питомцы, заплатить Ему за столь великія милости? Чего требуетъ Онъ отъ васъ въ замѣну толикихъ щедротъ? — Онъ требуетъ вашего собственнаго благополучія; Онъ требуетъ свободнаго стремленія къ добру, благороднаго порыва ко всему прекрасному и полезному. Онъ хочетъ вложить въ ваши сердца глубокое чувство вашего будущаго званія въ обществѣ. Онъ желаетъ, чтобы приявъ, по мѣрѣ вашихъ силъ, искру того дивнаго огня, коимъ горитъ Его высокій духъ, вы съ обновленною душею разсыпались по предѣламъ отечества, и чтобъ слѣдуя данному вамъ направленію, сообщая другимъ поколѣніямъ здѣсь почерпнутое образованіе, вы всегда показывали вашимъ будущимъ питомцамъ соединеніе всѣхъ лучей Религіи и наукъ въ одинъ благодѣтельный источникъ истины и свѣта.

Я не почитаю нужнымъ пространно излагать предъ вами, Милостивые Государи, всю важность открываемаго нынѣ курса восточныхъ языковъ. Вы знаете, какое мѣсто Востокъ занимаетъ въ исторіи, Востокъ первая колыбель, первое поприще лучшаго бытія, первый свидѣтель паденія рода человѣческаго. Изъ Азіи произтекали всѣ религіи, всѣ науки, вся философія. Она одна сохранила чудесный даръ производить всѣ большія явленія моральнаго міра; тамъ находимъ мы истинный единственный источникъ всеобщаго просвѣщенія, и кто могъ бы не горѣть желаніемъ созерцать вблизи богатства сего неизчерпаемаго рудника ума человѣческаго?

Къ сему имѣемъ мы одинъ способъ: *восточные языки.* Вообще языки суть памятники временъ, предшествовавшихъ исторіи. Узнать языкъ народа, значитъ узнать весь ходъ его образованія. Въ нѣдрахъ сихъ дивныхъ сосудовъ лежитъ, такъ

сказать, печать отличающая одинъ народъ отъ другаго. Чѣмъ совершеннѣе языкъ, тѣмъ народъ ближе къ просвѣщенію. Сличеніе языковъ можетъ изъяснить произхожденіе и сродство народовъ между собою; и еслибъ, по непредвидимому случаю, могли когда либо изчезнуть съ лица земли всѣ памятники исторіи, тогда слѣды временъ прошедшихъ остались бы только въ самыхъ дїалектахъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, въ ихъ внутренномъ образованіи; и тогдабъ мы судили о политической судьбѣ народа, по совершенству грамматическихъ формъ ему принадлежавшаго языка.

Но знаніе языковъ остается безъ цѣли и безъ важности, если мы ограничиваемся сравнительною номенклатурою или собраніемъ пустыхъ звуковъ. Въ нынѣшнемъ состояніи общихъ познаній, *слова* суть ничто иное, какъ *знаки мыслей;* слѣдовательно *языки* только средства къ достиженію новыхъ познаній, или, лучше сказать,

путеводители къ новымъ понятіямъ. Высшая филологія стремится къ единству. Только тѣ языки заслуживаютъ наше вниманіе, которые имѣютъ свою собственную словесность. Въ большомъ количествѣ языковъ міра, весьма немногіе могутъ назваться *коренными*, не столько потому, что отъ нихъ произошли другіе языки, какъ потому, что они сильно дѣйствовали на просвѣщеніе всего міра. Языкъ безъ литтературы тоже самое, что народъ безъ исторіи. Не всѣ люди въ сложности составляютъ человѣчество; не всѣ языки принадлежатъ къ филологіи. Одинъ Греческій языкъ съ произходящимъ отъ него Латинскимъ, даетъ намъ ключь къ познанію всего западнаго міра; такимъ же образомъ Арабскій языкъ въ соединеніи съ языкомъ Персіи, ключь всей западной Азіи, и былъ долго ключемъ къ познанію всей восточной древности. Съ тѣхъ поръ, какъ мы обогатились знаніемъ *Санскрита* и всѣхъ діалектовъ Индіи, средняя сфера Азіятскихъ языковъ, безъ

сомнѣнія изо всѣхъ важнѣйшая, каждый день болѣе и болѣе привлекаетъ любопытство и вниманіе. Если къ симъ кореннымъ языкамъ мы прибавимъ, съ одной стороны Еврейскій, а съ другой нарѣчія племенъ Тапарскихъ, и наконецъ языки Японіи и Китая, то однимъ взглядомъ обнимемъ всю систему древнихъ, по истинѣ *коренныхъ языковъ* Азіи. Теперь окинемъ быстрымъ взоромъ главныя литтературы, изъ нихъ произшедшія.

Словесность Еврейская ограничивается книгами Ветхаго Завѣта. Она отличается отъ другихъ словесностей Азіи тѣмъ, что не обѣщаетъ ни дальнихъ открытій, ни дальнихъ усовершенствованій. Языкъ Еврейскій былъ первымъ поводомъ къ изученію другихъ восточныхъ языковъ. Знаніе его процвѣтало въ Европѣ посредствомъ Богословія, за долго передъ другими. Творенія Моисея, книга Іова и пѣснопѣнія Пророковъ, могутъ въ своемъ родѣ равняться съ совершеннѣй-

шими памятниками древней поэзіи. Языкъ Евреевъ не богатъ ни выраженіями, ни оборотами, но смѣлъ и силенъ. Ихъ поэзія, о которой древніе не вѣдали, имѣла великое вліяніе на всѣ новѣйшія литературы Европы.

Словесность Арабовъ, — коей обозрѣніе Г. Профессоръ Деманжъ нынѣ представитъ въ особой рѣчи — имѣетъ свой отличительный характеръ. Ихъ поэзія пылаетъ, какъ ихъ степь; она чудесна, какъ ихъ исторія. Посреди имперіи Персовъ и имперіи Римлянъ лежитъ Аравія, коею ни Александръ, ни Римляне, не могли овладѣть. Жители ея были независимы и храбры; они любили поэзію, какъ свободу. Сама природа защищала ихъ отъ внѣшнихъ властителей. Въ VII столѣтіи явился Магометъ, полководецъ, законодатель и поэтъ, и большая половина древняго міра повиновалась *Исламу*, когда онъ оставилъ съ жизнію завѣтъ обращать народы посредствомъ Корана и

меча. Сто лѣтъ послѣ смерти Магомета, владѣніе Арабовъ простиралось отъ Гангеса до Пиренейскихъ горъ. Конспантинополь трепеталъ, и тронъ Персіи разпался на части. *Гарунъ-Ал-Рашидъ* и сынъ его *Ал-Мамунъ*, покровительствовали наукамъ. Подъ ихъ скипетромъ процвѣтали: Востокъ, Африка, Испанія. *Тысяча и одна ночь* сдѣлали Гаруна славнѣе, чѣмъ его походъ на Царьградъ. Творенія Грековъ, особенно философовъ и врачей, были переведены на Арабскій языкъ. Въ Багдадѣ, въ Бассорѣ и во многихъ другихъ городахъ, Калифы основали высшія училища. Арабы первые познакомили Европу съ Аристотелемъ. Вмѣстѣ съ науками процвѣтали художества и мануфактуры. Архитектура Арабовъ, которую мы ошибочно называемъ Готическою, носитъ печать ихъ генія. Въ великолѣпныхъ чертогахъ Багдада, подъ тѣнью лимонныхъ деревъ на берегахъ Тага и Гвадалквивира, раздавался звукъ оружія, вмѣстѣ съ звукомъ люпень и гитаръ. Арабы

не уступали ни одному народу въ любви къ турнирамъ, къ рыцарству, къ поэзіи. Слѣды пребыванія ихъ въ Испаніи, произвели Аріоста и рыцарскую литтературу (1). Весь ихъ историческій ходъ чудесенъ; но мы узнаемъ тѣ же черты характера въ Арабѣ и посреди знойныхъ степей въ сопровожденіи вѣрнаго верблюда, и въ пышныхъ чертогахъ Царей Гренадскихъ. Съ Магометомъ изчезла поэзія Арабовъ; слабые ея отголоски были едва слышны, когда Арабы славно владычествовали надъ двумя третями просвѣщеннаго міра. Съ независимостію, съ бѣдностію, съ жизнію Патріарховъ, лишились они оригинальности въ произведеніяхъ ума. Магометъ, сынъ степи, заключаетъ кругъ ихъ поэтовъ.

Переходя къ литтературѣ Персіи, я долженъ сказать, что Г. Профессоръ Шармуа представитъ въ своей рѣчи нѣсколько подробностей о семъ предметѣ. Я покажу только связь словесности Персидской съ другими словесностями Востока.

Произхожденïе языка Персïи, равно какъ и произхожденïе имперïи Персовъ, теряется во мракѣ вѣковъ. Онъ богатъ и приятенъ; не такъ выразителенъ и не такъ силенъ, какъ языкъ Арабовъ; но звучнѣе и привлекательнѣе. Формы поэзïи вѣрно опредѣлены. Персы имѣютъ во всѣхъ родахъ превосходныхъ поэтовъ: *Фирдоусси* ихъ Омеръ, *Гафесъ* ихъ Пиндаръ и Анакреонъ; первый написалъ большую эпическую поэму подъ названïемъ *Шахъ-Наме;* другой прославился одами и легкими стихотвореніями, которыя дышатъ нѣгою. Сверхъ того принадлежатъ къ первой степени: *Саади*, его подражатель *Джами*, *Джелалединъ* и нѣсколько другихъ. Литература Персïи самая пріятная и самая обработанная. Орïенталисты сравниваютъ иногда ее съ литературою Французскою, также какъ путешественники даютъ жителямъ Персïи названïе *Французовъ Азïи.* Поэзïя Арабовъ и поэзïя Персовъ различны въ духѣ и въ формахъ; но заслуживаютъ равное вниманïе.

Ихъ отличительныя черты особливо примѣтны въ произведеніяхъ, предшествовавшихъ Магомету. Онъ далъ всѣмъ умамъ такой видъ рабства и единообразія, что присоединивъ къ литературамъ Аравіи и Персіи бѣдную словесность Турецкую, мы можемъ назвать словесностью Магометанскою, произведенія народовъ между собою совершенно различныхъ, но угнѣтаемыхъ игомъ однихъ законовъ и одной религіи.

Но изъ всѣхъ литературъ Востока, первая, важнѣйшая, обширнѣйшая, есть безъ сомнѣнія литература Индіи. Она до сихъ поръ менѣе всѣхъ другихъ извѣстна, и ни въ чемъ съ ними не сходствуетъ. Если вѣрить свидѣтельству знаменитаго В. Жонса, (основателя Азіятскаго общества въ Бенгалѣ), *Санскритъ* (древній коренный языкъ Индіи), превосходитъ всѣ извѣстные языки свѣта: « Санскритскій языкъ, гово-« рилъ Жонсъ, совершеннѣе Греческаго, « изобильнѣе Латинскаго, и обработанъ

« лучше обоихъ; но Санскритъ имѣетъ съ « Греческимъ и Латинскимъ разительное « сходство, какъ въ произхожденіи словъ, « такъ и въ формахъ грамматики, которое « не могло быть произведено единственно « случаемъ; такое сходство, что ни одинъ « филологъ не можетъ разсматривать сихъ « трехъ языковъ, не увѣрясь въ томъ, что « всѣ три имѣютъ одинъ источникъ, ко- « тораго слѣды, можетъ быть, болѣе не « существуютъ.» — Положимъ, что энтузіазмъ увлекъ здѣсь слишкомъ далеко почтеннаго Жонса; но и въ семъ случаѣ какое достоинство должны мы предполагать въ языкѣ, родившемъ столь сильное предубѣжденіе въ первомъ знатокѣ восточныхъ и классическихъ языковъ; въ ученомъ, съ которымъ никто въ XVIII столѣтіи не могъ равняться въ обширности знаній, въ страстной любви къ своему предмету, во вкусѣ и въ фантазіи, и который разбиралъ языки, какъ филологъ, а чувствовалъ ихъ красоты, какъ поэтъ?

Мы можемъ даже положить, что сходство Санскрита съ Греческимъ и Латинскимъ языкомъ не такъ близко, или, лучше сказать, не такъ разительно, какъ предполагалъ Президентъ Калькутскаго Общества; не менѣе того мы на вѣрное знаемъ, что сіе сходство дѣйствительно существуетъ, и тѣмъ болѣе удивительно, что Санскритъ имѣетъ въ своемъ составѣ, въ своемъ духѣ, въ своихъ формахъ совершенную противуположность съ другими языками Азіи. Ни одно грамматическое правило не сходствуетъ съ правилами другихъ нарѣчій. Поэзія (сколько мы знаемъ), носитъ печать какой-то изящной простоты, чуждой всему Востоку, и вмѣстѣ совершенной зрѣлости ума и души. Кто хотя въ переводѣ читалъ прелестную *Саконталу*, тотъ конечно согласится со мною (2).

Можно ли не желать страстно распространенія сихъ прекрасныхъ познаній? Кто

не захочетъ познакомиться съ симъ богатымъ рудникомъ; вникнуть въ философію, въ законодательство, въ поэзію, въ науки народа, столь еще мало извѣстнаго, но которому можетъ быть принадлежитъ первое мѣсто въ просвѣщенномъ мірѣ; пройти сквозь сей безмолвный рядъ вѣковъ; внести свѣтильникъ въ мрачное жилище давно изтлѣвшихъ племенъ и поколѣній; однимъ словомъ, привязать свой ничтожный, быстротечный вѣкъ къ симъ неподвижнымъ памятникамъ отцвѣтшаго просвѣщенія и забытой, но чудесной славы? —

Еслибъ можно было во всемъ пространствѣ представить вліяніе *образованнѣйшаго* народа Азіи на весь міръ, тогда конечно пролился бы неожидаемый свѣтъ на всю исторію человѣчества. Но сей народъ, занятый единственно собою, тогда только вступалъ въ сношенія съ другими, когда дѣлался ихъ жертвою; самъ о себѣ оставилъ онъ немного свѣденій. Въ

семъ недостаткѣ историческихъ преданій, любопытство наше можетъ воспользоваться еще однимъ только обстоятельствомъ: сей народъ существуетъ до сихъ поръ; онъ сохранилъ *свой языкъ*, и съ нимъ свою религію, свою мудрость, свою поэзію. Онъ существуетъ, но болѣе въ прошедшихъ вѣкахъ, чѣмъ въ настоящемъ. Для него эпоха, къ которой мы принадлежимъ, (а сія эпоха начинается для Индіи вмѣстѣ съ нашими историческими временами), представляетъ въ его глазахъ образъ совершеннаго хаоса. Браминъ смотритъ на насъ съ презрѣніемъ. Онъ ожидаетъ обѣщаннаго возобновленія міра; онъ единственно мечтаетъ о прошедшемъ, о тѣхъ чудесныхъ временахъ, когда великій *Вишну*, въ видѣ *Рамы*, сражался съ злыми духами, или въ образѣ героя *Кришны* водворялъ на землѣ миръ и тишину. Напрасно будемъ мы ожидать отъ народа, въ такомъ разположеніи ума, тѣхъ критическихъ свѣденій, коихъ жаждетъ Европа. Остается намъ только

вопрошать его художественные памятники, его просвѣщенїе, его законы, его природу; дѣлаться на берегахъ Гангеса жителемъ Индїи и вмѣстѣ оставаться Европейцомъ, дабы соединить въ одно цѣлое тѣ отрывки познанїй, которые жители Индїи намъ передавать будутъ посредствомъ своего языка и своей литтературы.

Древнѣйшее произведенїе Индїйской словесности, источникъ ихъ понятїй о религїи, о философїи и о законодательствѣ, суть ихъ священныя книги, такъ называемыя *Веды*. Духъ, содержанїе, форма, слогъ, все указываетъ на глубокую древность. Веды составлены изъ небольшихъ трактатовъ или отрывковъ, принадлежащихъ вѣроятно разнымъ авторамъ. Мы почти ничего не знаемъ о сихъ достопамятныхъ книгахъ. Онѣ составили тайную религїю священниковъ. Религїя народа имѣетъ свое начало въ большихъ эпическихъ поэмахъ Индїи, такъ какъ Греческой простонародной политеизмъ весь проистекалъ изъ Омера.

Собраніе законовъ *Ману*, есть второй памятникъ Индійской литтературы. Сіи законы приписываютъ Ману; но онъ болѣе принадлежитъ баснословію, чѣмъ исторіи. Они въ тѣсной связи съ Ведами и на нихъ основаны. Хотя законодательство Индіи въ иныхъ частяхъ имѣетъ еще знаки душевнаго младенчества, но оно во многихъ отношеніяхъ доказываетъ удивительное просвѣщеніе націи, для которой сіи законы были составлены.

33120

Торжество Санскритскаго языка: поэзія. Всѣ роды ея доведены до совершенства: эпопея, лирическая, дидактическая и нравоучительная поэзія; но первенство между ими, по мнѣнію самой Индіи, принадлежитъ эпопеи. Большія ихъ народныя эпическія творенія уважаются на ряду съ священными книгами. Литтература Индіи изобильна въ эпопеяхъ; но — какъ творенія Омера въ Греціи — двѣ Поэмы занимаютъ и здѣсь первое мѣсто: *Рамаяна* и *Махабаратъ*.

Предметъ первой изъ сихъ поэмъ есть побѣда божественнаго героя *Рамы* надъ *Равуною*, вождемъ злыхъ духовъ. Махабарать изображаетъ войну двухъ непріязненныхъ племенъ *Курусовъ* и *Пандосовъ*. Думаютъ, что Махабарать новѣе Рамаяны; по крайней мѣрѣ онъ описываетъ произшествія болѣе принадлежащія къ историческимъ временамъ.

Духъ Индійской эпопеи состоитъ особенно въ томъ, что она не оживляется ни чувствами, ни дѣяніями человѣческими. Греческая Эпопея сводила съ небесъ своихъ боговъ и уподобляла ихъ человѣкамъ; эпопея Индіи, если не исключительно представляетъ однихъ боговъ, но возвышаетъ смертныхъ къ богамъ и сближаетъ ихъ чудеснымъ жезломъ своимъ. Греки влагали въ душу безсмертныхъ свои собственныя ощущенія; Индійцы дѣлаютъ изъ человѣка въ эпопеи какое-то отвлеченное существо, совершенно чуждое человѣчеству. Большая

пружина ихъ поэмъ *явленіе боговъ въ видѣ человѣковъ;* но сіе перерожденіе такъ свободно, что боги, дѣйствующіе на землѣ какъ человѣки, оспаются богами въ своихъ высокихъ жилищахъ. Греки придавали своимъ богамъ идеальную красоту человѣковъ; Индійцы и тутъ пренебрегаютъ человѣческое. Ихъ синій *Вишну* со многими головами и руками, въ сравненіи съ *Аполлономъ Бельведерскимъ*, живо означаетъ характеръ той и другой поэзіи; но Греческій Олимпъ бѣденъ предъ блистательными жилищами, въ коихъ покоются *Индра* или *Вишну*. Здѣсь чудесные чертоги, коихъ высокія стѣны, пылающія въ огняхъ, теряются въ высотѣ небесъ; божественная музыка раздается со всѣхъ сторонъ; воздухъ — благоуханіе, каждая капля росы — брилліантъ, хоръ молодыхъ нимфъ оживляетъ волшебные гроты, украшенные душистыми цвѣтами голубаго лотуса, перлами и пестрыми раковинами. Ихъ блескъ отражается на кристалѣ лазурныхъ водъ, тихо волнуемыхъ

спройнымъ движенїемъ бѣлоснѣжнаго лебедя. Какая картина! какое чародѣйство! какая пышная игра фантазїи! —

Желанїе представить быстрое, нѣкоторымъ образомъ полное обозрѣнїе литературы Индїи, къ коей нынѣ стремятся всѣ умы въ Европѣ, увлекло меня, можетъ быть, за предѣлы сего разсужденїя. Оно лишаетъ меня возможности продолжить мое странствованїе по богатому полю литературъ Востока. Я долженъ оставить безъ вниманїя словесность Китая, сполъ же странную, какъ все его политическое образованїе, которое и слишкомъ хвалили и слишкомъ унижали, и которое по истинѣ не должно бы возбуждать ни энтузїазма, ни презрѣнїя. Я могу только наименовать малоизвѣстную, но конечно важную словесность Тибета, и большое разнообразное семейство Татарскихъ дїалектовъ, въ коемъ иныя отрасли имѣютъ уже литературу, а другїя еще нуждаются въ писменахъ.

Остается мнѣ теперь показать, какое участіе Россія должна принимать въ распространеніи Восточныхъ языковъ, и какую пользу она изъ ихъ источниковъ извлечь себѣ можетъ.

Если мы будемъ смотрѣть на сіи занятія съ политической стороны, то одинъ взглядъ на карту Россіи докажетъ уже ясно, сколь сіи познанія для насъ важны и даже необходимы. Должна ли Россія, опирающаяся на Азію, повелѣвающая цѣлою трепью сего пространнаго края, Россія въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Турціею, Китаемъ и Персіею, овладѣть наконецъ великимъ орудіемъ Восточныхъ языковъ? Сей вопросъ кажется излишній. Нѣтъ сомнѣнія, что твердѣйшая можетъ быть опора Великобританскаго владычества въ Индіи, состоитъ именно въ томъ, что Англійское правительство образуетъ жителей Индіи посредствомъ собственной ихъ словесности; что оно предоставило имъ право быть судимыми

своими законами и на своемъ языкѣ; что оно соединивъ духъ Англiйскаго законодательства съ остатками древнихъ предписанiй и обрядовъ Индiи, мало по малу возбуждаетъ во всѣхъ умахъ стремленiе къ нацiональной славѣ и къ древнимъ памятникамъ наукъ и словесности, и чрезъ сiе прекрасное, можетъ быть *хитрое* почтенiе къ Индiи, присвоиваетъ себѣ каждый день болѣе правъ на уваженiе и на признательность покореннаго народа.

Времена завоеванiй протекли. — Можно нарушить миръ; можно внести огонь и мечь въ предѣлы сосѣдственныхъ государствъ: но основать или удержать свое владычество одною силою меча, — сей ужасный подвигъ не принадлежитъ нашему вѣку. Мы видѣли, съ какою быстротою рушилось огромное зданiе, недавно воздвигнутое въ Европѣ. Никакая сила человѣческая не можетъ болѣе противоборствовать могущественному генiю Европы. Въ общемъ

просвѣщенїи находится залогъ общей независимости. Завоеванїе безъ уваженїя къ человѣчеству, безъ содѣйствїя новыхъ, лучшихъ законовъ, безъ исправленїя состоянїя побѣжденныхъ — тщетная, кровавая мечта; но побѣждать просвѣщенїемъ, покорять умы кроткимъ духомъ религїи, разпространенїемъ наукъ и художествъ, образованїемъ и благоденствїемъ побѣжденныхъ — вотъ единственный способъ завоеванїя, отъ коего можно нынѣ ожидать прочности вѣковой, и который можетъ нѣкоторымъ образомъ *освятить* право сильнаго и народное славолюбїе.

Когда же мы будемъ смотрѣть на Восточную литтературу въ отношенїи къ нашей, то каждый безпристрастный судїя постигнетъ, сколь благотворно можетъ быть ея вліянїе на произведенїя ума и на образованїе вкуса. Наша словесность есть нѣкоторымъ образомъ позднїй цвѣтъ новаго политическаго образованїя Россїи. Вездѣ

корень народной словесности теряется въ колыбели народной исторіи. У насъ, просвѣщеніе и законы были жертвою долговременнаго порабощенія подъ игомъ варваровъ. Римляне сперва овладѣли міромъ, и въ послѣдствіи уже начали думать о просвѣщеніи. Изъ сего слѣдуетъ, что ихъ литература, какъ и наша, не отличается оригинальностью; но ихъ литература имѣетъ по крайней мѣрѣ свой характеръ; и сей характеръ заимствованъ отъ Грековъ. За 50 лѣтъ предъ симъ совѣтовалъ намъ славный Гейне взять въ основаніе нашей словесности словесность Греческую; и тогда успѣли бы мы можетъ быть замѣнить недостатокъ собственнаго народнаго вкуса, чистымъ вкусомъ древнихъ, вѣрными правилами классической литературы. Она не могла бы дать намъ оригинальности; но она защитила бы насъ отъ слабости къ подражанію, отъ слѣпаго пристрастія къ той или къ другой словесности новыхъ временъ. Мы не колебались бы въ выборѣ

между подлинниками, равно для насъ чуждыми; мы не истощали бы своихъ силъ въ трудныхъ, но неблагодарныхъ опытахъ безъ цѣли, въ прихотливыхъ играхъ безплоднаго воображенія. Если же съ разпространеніемъ классической литтературы совокупить познаніе восточной, то мы и теперь въ полномъ правѣ ожидать обновленія нашей словесности въ сихъ свѣжихъ, до нынѣ неприкосновенныхъ источникахъ (*).

Обратимся теперь къ исторіи — къ предмету, заслуживающему по своей важности первое мѣсто въ народномъ воспитаніи; по своему пространству, долговремянныхъ и постоянныхъ трудовъ.

Истинное просвѣщеніе, которое ничто иное, какъ точное познаніе нашихъ правъ и нашихъ обязанностей, то есть, обязан-

---

(*) . . . . . Juvat integros accedere fontes
Atque haurire. . . . . .

Lucret.

ностей и правъ человѣка и гражданина, — истинное просвѣщенїе ожидаетъ отъ васъ, юные питомцы, подвига жизни и жертвы всѣхъ силъ душевныхъ! — Но одна исторїя можетъ насъ образовать въ семъ двоякомъ отношенїи къ обществу. Первѣйшїй изъ ораторовъ Рима, падшїй вмѣстѣ съ его свободою, называетъ сїю науку «свидѣтельницею временъ, свѣтомъ истинны, жизнью «памяти, наставницею жизни, глаголомъ «древности.» Исторїя оставляетъ мечтательной метафизикѣ изысканїе о какомъ-то первоначальномъ состоянїи человѣческаго рода прежде основанїя обществъ. Религїя и философїя согласны въ томъ, что паденїе человѣка содержитъ въ себѣ первое основанїе гражданской жизни. Дивное сочетанїе безсмертной души и бреннаго тѣла объясняетъ тайну политическихъ обществъ лучше всѣхъ умствованїй физїологовъ и метафизиковъ. Исторїя представляетъ намъ человѣка въ обществѣ; она принимаетъ свое начало на равнинахъ Азїи, подъ

сѣнію Патрїарховъ, въ мирномъ кругу семейственной жизни. Святая простота нравовъ, подъ вліяніемъ которой власть отца представляла власпь Монарха, а *человѣкъ* и *гражданинъ* были еще неразлучны въ одномъ лицѣ! —

Выступая за предѣлы младенчества, общества развиваютъ постепенно свои силы и переходятъ отъ простаго семейственнаго правленія къ образованію формъ правительства, сложныхъ въ своемъ существѣ и разнообразныхъ по своимъ дѣйствіямъ. Но сколько бѣдствій долженъ испытать родъ человѣческой! какой мракъ покрываетъ первые порывы его умственныхъ силъ! Едва онъ оставилъ свою колыбель, какъ уже влечетъ тяжкіе узы. Природа Востока усыпляетъ своихъ изнемогающихъ сыновъ; они дремлютъ подъ свинцовымъ скипетромъ обладателей. Гармонія поэзіи прерывается стономъ страждущихъ племенъ. Свѣтильникъ наукъ освѣщаетъ ихъ цѣпи. Утративъ

познанїе истиннаго Бога, котораго слѣды видны только въ учрежденїяхъ Моисея Пророка, законодателя и поэта, человѣкъ лишается чувства своего собственнаго достоинства. Онъ перестаетъ обращаться къ единственному началу жизни; ищетъ сего начала во всѣхъ явленїяхъ внѣшней природы и находитъ вездѣ мерцающїе призраки страха и фантазїи. Онъ погружается въ грубую чувственность, вѣдая, что боги его столько же безжалостны, какъ его тираны; тѣ и другїе требуютъ отъ него слѣпаго повиновенїя; тѣ и другїе наслаждаются его страданїемъ и не внемлютъ его жалобамъ; тронъ и алтарь равно обагрены кровїю. Между тѣмъ небольшое число мудрыхъ скрываетъ въ мрачной внутренности храмовъ Индїи и Египта послѣднюю искру человѣчества и просвѣщенїя, послѣдній даръ Востока. Они затьмѣваютъ глаза профановъ странными обрядами; они таятся подъ непроницаемымъ покровомъ эмблемъ и аллегорїи; они говорятъ языкомъ непо-

нятнымъ для народа. Законодательство въ ихъ рукахъ принимаетъ видъ грозной и надмѣнной; формы правительства жестоки и неумолимы. Верховная власть сама склоняетъ главу подъ иго Теократовъ; но врожденная сила человѣческаго ума побѣждаетъ наконецъ всѣ препятствія. Онъ стремится къ другой части мїра. Чрезъ Египетъ текутъ науки въ Грецїю; она тогда же образуется чрезъ сношенїя съ Финикїанами. Между берегомъ Аттики и берегомъ малой Азїи сосредоточиваются всѣ движенїя человѣческаго ума. Исторїя мїра дѣлается исторїею Грецїи. Египетъ и Финикїя передаютъ ей просвѣщенїе, мудрость и торговлю. Востокъ угасаетъ; вселенная измѣняется; человѣческїй умъ возраждается въ новомъ видѣ подъ чудеснымъ небомъ Грецїи. Достоянїе всѣхъ вѣковъ дѣлается собственностїю одного народа. Онъ налагаетъ свою печать на исторїю. Отъ судьбы двухъ или трехъ городовъ Аттики и Лаконїи будетъ отнынѣ зависѣть моральная судьбавселенной.

Воображеніе отдыхаетъ переходя къ сей эпохѣ исторіи, которую по истинѣ назвать можно *юношествомъ* человѣческаго ума. Кто не увлекался произведеніями Греціи? чье сердце не билось при чтеніи Омера или Софокла? кто не плакалъ надъ падшими при Термопилахъ? кто не торжествовалъ съ побѣдителями Марафона? — Но сей вѣкъ очарованій изчезъ навсегда и не оставилъ намъ слѣдовъ. Религія Грековъ при всемъ своемъ превосходствѣ надъ всѣми другими религіями политеизма, представляетъ еще странное сочетаніе нравственности и разврата, высокаго полета и постыдныхъ обрядовъ; она, по словамъ Монтескьё, останавливала руку, а забывала сердце. Она не могла образовать гражданской жизни Грековъ. Формы ихъ правительствъ приличны только имъ. Города, разсѣянные на берегахъ моря, могли процвѣтать каждый особенно подъ республиканскимъ правленіемъ; но республиканское правленіе занимаетъ въ исторіи то самое мѣсто, которое

занимаютъ въ жизни прекрасныя мечты юности. Человѣчество возмужало; и если феноменъ республиканскихъ правленій возобновился и въ новыхъ временахъ, въ нѣкоторыхъ небольщихъ государствахъ: то можно сказать, что ни аристократическія республики Италіи въ среднихъ вѣкахъ, ни федеральное правленіе Гельвеціи, ни въ чемъ не сходствуютъ съ республиками древняго міра. Вообще нельзя довольно часто повторять, что древній міръ съ своею поэзіею и съ своими законами для насъ отцвѣлъ навсегда (*). Сравненіе формъ древнихъ правительствъ съ нынѣшними весьма ложно; политическое образованіе древнихъ колебалось между самовластіемъ и безначаліемъ. Всѣ другія оттѣнки имъ чужды. Міръ древнихъ дѣлился на двѣ неравныя между собою части: съ одной стороны *свободнорожденные*, съ другой *рабы* (3). Всѣ правитель-

(*) . . Ἄμμιον ἄνθος ἐφυρε κονις. —

MELEAGER.

ства были основаны на семъ началѣ. Оно господствовало вездѣ: у подошвы Кавказа, на берегахъ Гангеса, подъ тѣнью пирамидъ, на площади Аѳинской, въ Сенатѣ Рима и въ его кровавыхъ играхъ. Міръ повиновался и безмолвствовалъ; никто не изыскивалъ произхожденія сего порядка; онъ терялся во мракѣ вѣковъ. Право свободныхъ надъ рабами, основанное на состояніи *военно-плѣнныхъ*, имѣло у древнихъ ужасное, въ наши времена къ счастію неизвѣстное, пространство. Оно было выше всѣхъ законовъ; оно попирало ногами самыя святыя чувства природы. *Горе побѣжденнымъ!* (Væ victis!), вотъ эпиграфъ народнаго права у древнихъ. Въ древнемъ мірѣ рабы не почитались горестными жертвами строгой судьбы. Древніе видѣли въ нихъ особый родъ людей, природою на вѣчное рабство осужденный, издавна лишенный не только всѣхъ своихъ правъ, но даже всей способности ими когда либо пользоваться. Ни одинъ философъ древности не возставалъ противъ сей мысли. Иные

проповѣдовали снисходительность въ обхожденіи съ рабами; но ни Платонъ, ни Сенека не внимали гласу природы и не защищали правъ человѣчества (4). Грозная *вѣковая давность* укрѣпляла систему древнихъ правительствъ, всѣхъ на рабствѣ основанныхъ. Никакая власть земная не могла коснуться сихъ твердыхъ началъ, Христіянская религія обратила ихъ въ прахъ; отъ ея свѣтильника разсыпались всѣ умственныя и всѣ тѣлесныя узы. Христіянская религія есть великой урокъ *моральнаго равенства*, Богомъ міру преподанный. Не народы Германіи, не воины Сѣвера и Востока, даже не пороки тирановъ и не развратъ народа разрушили колоссъ Римской имперіи; Христіянская религія нанесла ему смертельный ударъ. Онъ палъ подъ десницею Того, *чье царство нѣсть отъ міра сего!*

Нѣтъ нужды кажется доказывать, что рабство, какое было у древнихъ, имѣетъ мало сходства съ состояніемъ подданныхъ,

которое называется рабствомъ въ новой исторіи (5). Духъ Христіянской религіи и самыя учрежденія Германскихъ народовъ, противны духу древнихъ законовъ. Феодальная система, изъ которой болѣе или менѣе сей родъ рабства принялъ свое начало, коей вліяніе ощутительно даже въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, феодальная система не имѣетъ ни какого сходства съ народнымъ правомъ древнихъ. Сей порядокъ служилъ приуготовленіемъ къ новѣйшей системѣ государствъ, и я предоставляю себѣ сказать въ послѣдствіи нѣсколько словъ о причинахъ, истребившихъ мало по малу въ Европѣ послѣдніе остатки феодальнаго рабства, основаннаго на состояніи *приписныхъ къ землѣ*, такъ какъ рабство древнихъ основано на состояніи *военноплѣнныхъ*.

Когда ваше вниманіе, юные питомцы, обратится на огромное зданіе Рима, тогда вы постигнете истинный переходъ человѣ-

ческаго ума къ лѣтамъ опыта и зрѣлости. Тамъ вы увидите въ первый разъ, что значитъ слово: *человѣкъ*, а еще болѣе, что значитъ слово: *гражданинъ*. Въ Греціи сіи два понятія почти всегда сливались въ одно; или лучше сказать, человѣкъ всегда торжествовалъ надъ гражданиномъ. Гдѣ *прекрасное* (*το κάλον*) было верховный законъ, тамъ строгое понятіе о должностяхъ гражданскихъ не могло существовать. Буйный духъ Греческихъ республикъ всегда увлекался страстями и первымъ впечатлѣніемъ. Аѳины осуждали на смерть Сократа и Фокіона, на изгнаніе Аристида и Демосѳена. Греки въ одно время боготворили и казнили своихъ великихъ мужей. Минута рѣшила ихъ судьбу, какъ и судьбу республики. Пылкая фантазія управляла Греками, строгой и наблюдательной разсудокъ царствовалъ въ Римѣ; тамъ вы увидите верхъ воображенія и искуствъ, здѣсь верхъ политической мудрости и проницательности; въ Аѳинахъ, гражданинъ уступалъ человѣку;

въ Римѣ человѣкъ былъ жертвою гражданина; но въ Римѣ вы изумитесь увидя чудесное вліяніе сильной воли и постояннаго славолюбія; вы узнаете въ Римской республикѣ, въ самой колыбели ея, будущую обладательницу міра (*). Поколѣнія измѣняются; Капитолій бодрствуетъ. Какой рядъ государственныхъ людей великихъ въ дѣлахъ мира и войны! Какая цѣпь важныхъ произшествій! Какое торжество глубокаго и неослабѣвающаго разума! И когда послѣ осми столѣтій счастливый Октавій садится на тронъ вселенной, то при блескѣ такого величія мы почти забываемъ, что двѣ трети человѣческаго рода стенали подъ игомъ жесточайшаго рабства; что Римляне, гиганты въ доблести и порокахъ, пили въ золотыхъ чашахъ слезы и кровь вселенной, и въ безпечномъ упоеніи не вѣдали,

---

(*) Tu regere imperio populos, romane, memento!

Virgil.

что *Освободитель міра* родился подъ соломеннымъ кровомъ въ забытомъ краю ихъ огромной имперіи. . . . .

Паденіе Рима, возраставшаго восемь столѣтій, продолжалось около 600 лѣтъ. Сіе одно доказываетъ твердость сего политическаго состава, единственнаго въ лѣтописяхъ исторіи. Римъ упалъ не отъ внѣшнихъ политическихъ произшествій; ни даже отъ собственныхъ раздоровъ. Главная причина его паденія было давно ожидаемое преобразованіе моральнаго міра, которое совершилось посредствомъ Христіянской религіи. Европа, удрученная подъ игомъ самовластія, переходила отъ высочайшей степени силы къ совершенному изнеможенію старости; Европа безъ нравственности и безъ религіи устремляла взоры на Востокъ и ожидала звѣзды, явившейся тамъ на краю неба, но коей блескъ не отражался еще на Западѣ. Политеизмъ лежалъ во прахѣ; всѣ основанія гражданской жизни древнихъ колебались;

свѣтильникъ философіи гаснулъ; поэзія и краснорѣчіе изчезали безвозвратно; властители предавались всѣмъ порокамъ; народы стенали и развращались. Каждый день варвары наносили глубокіе удары дотолѣ невредимому колоссу Рима; и когда наконецъ сей тысящелѣтній дубъ, воспѣтый Гораціемъ, палъ пораженный громами, тогда густый мракъ распространился по лицу земли; все умолкло, слабые лучи свѣта поблѣднѣли; завѣса опустилась — и мы видимъ конецъ древней исторіи.

Но пробужденіе Европы было предназначено Промысломъ. Оно сокрыло въ лѣсахъ Германіи залогъ ея политическаго возобновленія; три главныя причины произвели постепенно сіе возобновленіе: *появленіе Германскихъ народовъ*, *феодальная система* и наконецъ *крестовые походы*. Народы, завоеватели и рушители Римской имперіи, выходили изъ Германіи; чрезъ длинный рядъ вѣковъ они сохраняли харак-

теръ, коего черты изобразили Юлїй Кесарь и Тацитъ. Симъ народамъ опредѣлено было разрушать и животворить, покрывать Европу кровавыми слѣдами опустошенїя и вмѣстѣ бросать повсюду сѣмена будущаго благоустройства, повергать поколѣнїя въ рабство и воспламенять духъ народный, распространять мракъ и безвѣдома готовить торжество просвѣщенїя (*); вы увидите въ ихъ полу-дикихъ учрежденїяхъ и правахъ изумительные слѣды какого-то высокаго политическаго образованїя, основаннаго на незыблемыхъ правахъ человѣчества и гражданства, о коихъ не вѣдали просвѣщеннѣйшїе народы древняго мїра (6). Мы по примѣру Европы начинаемъ помышлять *о свободныхъ понятїяхъ;* если же вы спросите, гдѣ тотъ народъ, у коего являются первые ихъ признаки, исторїя не назоветъ ни Римлянъ, ни Аѳинянъ, ни Карѳагенцовъ, ни Спартанцовъ; она укажетъ вамъ на Гер-

(*) Montesquieu, Gibbon, Iohannes Müller, Schiller.

манцевъ Тацита! — Геній Германскихъ народовъ возсѣлъ на дымящіяся развалины всемірной имперіи Римлянъ, и съ того времени начинается новая исторія. Германскіе народы, феодальная сиспема и крестовые походы, а выше всего тайное, но сильное вліяніе Христіянской религіи; вотъ степени перерожденія міра, тѣсно между собою связуемыя и одна отъ другой происходящія! Изъ Германскихъ учрежденій, смѣшанныхъ съ обычаями Рима и Галліи, проистекаетъ *феодальная система*, о которой было много писано, но которую не многіе разумѣли. Монтескьё сравниваетъ ее съ величественнымъ древомъ, коего листы и отрасли видны издалека, но коего корни скрыты во глубинѣ земли. Подъ тѣнью его возрастала свобода Европы. Феодальная система, составленная изъ многочисленныхъ разнообразныхъ началъ, требуетъ особеннаго вниманія и заслуживаетъ наше удивленіе. — Оставьте софистамъ XVIII столѣтія надутыя жалобы

на времена варварства и фанатизма! — Съ высшей точки зрѣнія, на которую васъ возведетъ исторія, вы увидите, что сей рядъ вѣковъ, носящихъ въ самомъ дѣлѣ печать невѣжества и суевѣрія, есть одно изъ необходимыхъ условій образованія, одно изъ испытаній, предназначенныхъ роду человѣческому. Онъ необходимо долженъ былъ пробиться сквозь сей хаосъ, чтобы мало по малу привыкнуть къ блеску истиннаго свѣта. Дабы узнать свои права и свои обязанности, онъ долженъ былъ истощить сперва необузданную силу юности. Политическія общества не скоро созрѣваютъ. Духъ народовъ находитъ въ своихъ заблужденіяхъ сугубую страсть къ истинѣ; но сколько пропадшихъ мореплавателей прежде Колумба! Сколько неудачныхъ опытовъ прежде Англійской конституціи! — Политическая свобода не есть состояніе мечтательнаго благополучія, до котораго бы можно было достигнуть безъ трудовъ. Политическая свобода, по словамъ знаме-

нашего оратора нашего вѣка (Лорда Ерскина), есть *послѣдній и прекраснѣйшій даръ Бога;* но сей даръ приобрѣтается медленно, сохраняется неусыпною твердостію; онъ сопряженъ съ большими жертвами, съ большими утратами. Въ опасностяхъ, въ буряхъ, сопровождающихъ политическую свободу, находится вѣрнѣйшій признакъ всѣхъ великихъ и полезныхъ явленій одушевленнаго и бездушнаго мїра, и мы должны, по совѣту того же оратора, или не страшиться опасностей, или вовсе отказаться отъ сихъ великолѣпныхъ даровъ природы. Естественный ходъ политической свободы, видимый въ исторїи Европы, удостовѣряетъ насъ въ сей истинѣ. Человѣческій умъ идетъ не всегда прямымъ, твердо означеннымъ путемъ. То смѣлымъ порывомъ подается впередъ, то вдругъ останавливается; часто увлекаемый обманчивыми призраками, онъ прерываетъ свое стремленїе и подобно задумчивому генію на памятникахъ древней пластики, онъ обра-

щаетъ свой факелъ къ землѣ. Но успокойтесь! — Факелъ не можетъ погаснуть; онъ безсмертенъ, какъ душа человѣческая, какъ вѣчное правосудіе, какъ истина и добродѣтель!

Феодальная система, — хотя необходимая степень въ образованіи Европы, — могла только служить *переходомъ* къ другому совершеннѣйшему составу государствъ; и когда она стала угнѣтать возникающій духъ и противиться его предначертанному ходу, тогда Промыслъ родилъ въ нѣдрахъ феодальныхъ законовъ, способъ и случай ихъ навсегда уничтожить. Сей способъ— *крестовые походы*. Они послѣднее испытаніе юной Европы; послѣдній ея порывъ, послѣдняя ея поэзія. Подъ стѣнами Іерусалима, предъ гробомъ Спасителя, положенъ наконецъ (безвѣдома строителей и конечно противъ ихъ воли), первый камень будущаго политическаго зданія Европы. *Рыцари креста* погребли въ степяхъ Сиріи

лучшую часть своихъ воинствъ, свою славу и свои богатства ; они предали на жертву жизнь нѣсколькихъ милліоновъ , они пролили рѣки крови и слезъ ; но исполнители неизвѣстнаго имъ закона , они въ замѣну толикихъ бѣдъ принесли въ Европу новую искру свободы и просвѣщенія !

Феодальное рабство , происшекающее не столько изъ Германскихъ законовъ , сколько изъ смѣшенія ихъ съ нравами Галліи и даже съ Римскими учрежденіями , — феодальное рабство начало мало по малу изчезать отъ крестовыхъ походовъ. Въ семъ оборотѣ участвовали религія , духъ временъ и самыя внутреннія обстоятельства государствъ. Гордый Гогенштауфенъ и послѣдній его подданный , дѣлались равнымъ образомъ *рыцарями креста.* Вотъ первый знакъ ослабленія правъ властителей ! (7)

Подъ знаменами Спасителя , всѣ воины были свободны и равны. Сверхъ того *ко-*

ронные Вассалы: отправляясь на войну и нуждаясь въ деньгахъ, иногда продавали или закладывали свои помѣстья и отпускали на волю рабовъ, иногда по условію отказывались отъ нѣкоторой части правъ своихъ; иные освобождали рабовъ для спасенія души своей (pro redemptione animæ). *Среднее состояніе* (tiers-etat), въ рукахъ коего была вся промышленность, образовалось тогда подъ покровительствомъ королевской власти, въ видѣ *городовыхъ обществъ* (communes). Сіи общества откупали права властителей въ большихъ городахъ, сдѣлавшихся такимъ образомъ пріютами свободы и торговли. Сверхъ того власть Монарховъ, находившая всегда препоны въ преимуществахъ непокорныхъ *большихъ Вассаловъ и Бароновъ*, искусно воспользовалась ихъ ослѣпленіемъ и мало по малу укрѣплялась въ самовластіи.

Мы видѣли, что у древнихъ всѣ люди дѣлились на два класса: на *свободно-*

рожденныхъ и на *рабовъ*. Послѣ паденія западной имперіи и торжества Германскихъ законовъ, возникло три рода людей: *рабы* или *повинные*, которые служили другимъ; *свободные*, воины поселенные на завоеванныхъ земляхъ, и наконецъ *владѣльцы*, вожди на полѣ сраженія и коимъ покорялись побѣдитель и побѣжденный. Изъ сего раздѣленія на три рода людей происпекало также раздѣленіе земель на три класса, и вообще всѣ оттѣнки публичнаго права въ феодальномъ образованіи, котораго подробности не могутъ входить въ предѣлы сего разсужденія. Исторія вамъ покажетъ, юные слушатели, какъ сіи три класса людей, образовавшихся наконецъ въ видѣ трехъ различныхъ состояній въ государствѣ, стремились подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ разширять каждый сферу своего могущества, сверхъ монархической власти, алкавшей погда самодержавія. Не думайте, чтобы въ семъ смѣшеніи правъ, въ сей борьбѣ неприяз-

ненныхъ страстей, каждое государственное состоянїе было движимо великою мыслїю общественнаго блага! Нѣтъ! — Ни одно изъ нихъ не простирало взоровъ далѣе тѣснаго круга своихъ собственныхъ выгодъ. Цари стремились къ самовластїю; Бароны и большїе Вассалы искали упражненїя въ воинскомъ ремеслѣ, славы и добычи; среднее состоянїе, разбогатѣвшее отъ своего просвѣщенїя, покушалось сбросить свои оковы и въ своихъ рукахъ сосредоточить промышленность и торговлю. Каждый дѣйствовалъ собственно для себя, и ни одинъ не вѣдалъ, что онъ, слѣпое орудїе въ рукахъ Промысла, дѣйствовалъ единственно для основанїя равновѣсїя всѣхъ политическихъ силъ, и что изъ всѣхъ частныхъ, ограниченныхъ намѣренїй, долженъ былъ составиться согласный порывъ къ общему благоустройству Европы.

Не льзя приписать разрушенїя феодальнаго рабства однимъ крестовымъ похо-

дамъ. Главнымъ доказательствомъ сему служитъ то, что крестовые походы не образовали *свободныхъ поселянъ* (7). И если вы спросите, какая могла быть тому причина, то исторія вамъ скажетъ, что большія политическія перемѣны сего рода суть медленный плодъ временъ, свободное дѣйствіе духа народнаго, обмѣнъ взаимныхъ выгодъ всѣхъ государственныхъ сословій; она вамъ скажетъ, что освобожденіе *души* чрезъ просвѣщеніе, должно предшествовать освобожденію *тѣла* чрезъ законодательство; и что въ жизни народовъ, какъ въ жизни частнаго человѣка, свобода гражданская и политическая походитъ на ту драгоцѣнную одежду, въ которую Римляне облекались переходя отъ бурныхъ лѣтъ неопытности къ лѣтамъ зрѣлаго и совершеннаго возраста.

Я не буду слѣдовать далѣе ходу исторіи. Мы видѣли, какимъ образомъ возникала новая система Европейскихъ государствъ.

Изъ Германскихъ законовъ возродилась феодальная система, а сія система произвела крестовые походы, которые въ первый разъ представляютъ Европу въ видѣ одного великаго семейства, занятаго однимъ общимъ дѣломъ, имѣющаго въ виду одинакую цѣль. Пятнадцатое столѣтіе довершило зданіе Европейской системы. Сей дивный вѣкъ блистаетъ всѣми родами славы и величія. Америка, мысъ Доброй надежды, книгопечатаніе, реформація, порохъ, торговля въ Индіи, вотъ его трофеи. Отъ нынѣ система Европейскихъ государствъ, заключающая ихъ взаимныя сношенія, ихъ публичное право, ихъ общее просвѣщеніе, ихъ всемірную торговлю, течетъ безпрепятственно на высшую степень образованности. Права человѣчества всѣми признаны; права гражданства вездѣ опредѣлены. Изчезла ихъ неприязненная противоположность; нынѣ каждый долженъ хранить святой пламень любви къ человѣчеству, чтобъ сдѣлаться достойнымъ гражданиномъ. Сіи двѣ

обязанности соединяются въ одну. Евангелïе, залогъ свободы и просвѣщенïя, примирило въ образѣ Христïянина человѣка съ гражданиномъ.

Кто можетъ ласкаться надеждою окинуть взоромъ все неизмѣримое пространство исторïи? Одинъ безконечный разумъ обнимаетъ огромную картину временъ предъ нимъ открытую. Мы должны довольствоваться увѣренïемъ, что каждое явленïе въ исторïи, относится къ своему началу и входитъ въ составъ моральнаго мïра, и что всѣ большïе политическïе перевороты подлежатъ вѣчнымъ законамъ необходимаго. Такъ на примѣръ, если вспомнивъ о предметѣ сего разсужденïя, вы захотите знать, по чему народъ, неучаствовавшïй ни въ одномъ изъ общихъ переворотовъ Европы, нынѣ владѣетъ ея жребïемъ? какимъ образомъ сей народъ, младшïй сынъ въ многочисленномъ Европейскомъ семействѣ, въ теченïе одного столѣтïя превзошелъ

своихъ брашьевъ, и сохранивъ въ своихъ учрежденіяхъ, въ своихъ нравахъ, слѣды душевной юности, нынѣ алкаетъ просвѣщенія и стремится похитить у другихъ и лавръ воинской славы и пальму гражданской доблести? — по какому дивному сплетенію произшествій, Правнукъ ПЕТРА Великаго на берегахъ Сены возстановилъ тронъ Св. Лудовика? и если наконецъ обращая мысль на самихъ себя, на окружающіе васъ памятники, на великолѣпную столицу, Пальмиру сѣвера, на сію мирную обитель наукъ, на предметъ и на духъ сегоднишняго собранія, вы съ удивленіемъ спросите, какъ природа могла произвести сіи чудеса на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за сто лѣтъ передъ симъ дремало болото, столь же далекое отъ образованной Европы, какъ вѣчныя степи сѣверной Америки? Тогда мы вамъ скажемъ: « внимайте гласу исторіи! Она вамъ отвѣтствовать будетъ; она объяснитъ всѣ ваши сомнѣнія, рѣшитъ всѣ ваши вопросы; она вамъ скажетъ, сколь

завидна участь народа, коему Провидѣніе даровало рядъ Государей, соотвѣтствующихъ требованіямъ времени и вполнѣ удовлетворяющихъ духу своихъ столѣтій. Государства имѣютъ свои эпохи возрожденія, свое младенчество, свою юность, свой совершенный возрастъ и наконецъ свою дряхлость. Наблюденіе сихъ большихъ перемѣнъ, первый долгъ попечительнаго правительства. Желаніе продолжить одинъ изъ сихъ возрастовъ далѣе времени, назначеннаго природою, столь же суетно и безразсудно, какъ желаніе заключить возмужающаго юношу въ тѣсные предѣлы младенческой колыбели. Теорія правительства въ семъ случаѣ походитъ на теорію воспитанія. Не то достойно похвалы, которому удалось увѣковѣчить младенчество физическое или моральное; то премудро, которое смягчило переходы одного возраста къ другому, охранило неопытность, заранѣе открыло способности ума, предупредило опасности и заблужденія, и повинуясь закону необ-

ходимаго, возрастало и зрѣло вмѣстѣ съ народомъ или съ человѣкомъ. Всѣ сіи великія истины содержатся въ исторіи. Она верховное судилище народовъ и царей. Горе тѣмъ, кои неслѣдуютъ ея наставленіямъ! Духъ временъ, подобно грозному Сфинксу, пожираетъ непостигающихъ смысла его прорицаній! »

Теперь мнѣ остается только изъявить сердечное желаніе, чтобъ каждый изъ тѣхъ, которые въ семъ храмѣ просвѣщенія будутъ образоваться великими примѣрами исторіи, нашелъ въ нихъ новыя побужденія болѣе любить свое отечество, свою вѣру, своего Государя; чтобъ каждый изъ нихъ посредствомъ исторіи, особенно исторіи отечественной, — коей мы видимъ наконецъ достойный памятникъ, благодаря твердости духа и таланту великаго писателя, — научался предпочитать честь народную своей собственной жизни; благородство чувствъ и независимость духа,

всѣмъ благамъ мiра ; истину и добродѣтель, всѣмъ обольщенiямъ страстей ; чтобъ каждый изъ нихъ, къ какому бы сословiю онъ ни принадлежалъ, гдѣ бы онъ ни былъ поставленъ судьбою, имѣлъ всегда въ виду, что и онъ звено неизмѣримой цѣпи, объемлющей въ своемъ составѣ всѣ народы, всѣ племена, все человѣчество.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1). Поэзія Европы имѣетъ, какъ кажется, два источника: *поэзію сѣверныхъ народовъ*, приобыкшихъ къ войнѣ и наслаждающихся однимъ только повѣствованіемъ объ ней — и *поэзію востока*, переданную намъ частію крестовыми походами, частію Испанскими Маврами. *Аріосту* удалось прекрасно слить сіи два рода поэзіи въ своемъ блестящемъ твореніи; *Бойардо* еще ближе подражаетъ духу восточной Поэзіи; *Тассо* болѣе напитанъ древними.

(2). Санскритъ понятенъ ученому только жителю Индіи; для народа онъ языкъ мертвый. Что онъ нѣкогда былъ живымъ, то доказываѣтся его литературою. Она образуется только тогда, когда языкъ въ полномъ цвѣтѣ жизни. Жонсъ полагалъ, что Санскритъ произходитъ отъ древняго

поперяшнаго языка Персіи. Многіе ему противорѣчили; но все сіе изслѣдованіе суетно: мѣсто рожденія языка тамъ, гдѣ онъ образовался. Къ Санскриту принадлежитъ *Пракритъ*, который ни что иное, какъ смягченный діалектъ Санскрита (Jones works. T. VI. p. 206). *Бхаша* такъ же простонародное нарѣчіе того же языка, по свидѣтельству Кольбрука (Asiat. Res. T. VII. p. 225).

(3). « Summa itaque divisio de jure personarum hæc est: quod omnes homines aut *liberi* sunt, aut *servi*. » *Institut. L. I. Tit. III. de jure personarum.* — « Servi autem ex eo appellati sunt quod Imperatores captivos vendere ac per hoc *servare*, nec occidere solent; qui etiam mancipia dicti sunt, eo, quod ab hostibus manu capiantur. » *Ibid.* § III.

(4). Сенека въ 48 письмѣ къ другу, даетъ ему наставленіе касательно до обхожденія съ рабами: « Етотъ человѣкъ, « говоритъ онъ, котораго ты называешь « рабомъ, также родился въ свѣтъ, какъ

« ты Онъ наслаждается тѣмъ же небомъ,
« питается тѣмъ же воздухомъ, живетъ
« и кончитъ жизнь подобно тебѣ. Онъ мо-
« жетъ со временемъ видѣть тебя въ раб-
« ствѣ, а ты видѣть его свободнымъ. —
« Они рабы, но они люди; они рабы, но они
« живутъ подъ однимъ кровомъ съ тобою.
« Они рабы? . . . Нѣтъ . . . друзья въ низкой
« долѣ, товарищи въ рабствѣ: ибо и ты
« повинуешься судьбѣ, какъ они! » — Въ дру-
гомъ мѣстѣ того же письма, Сенека гово-
ритъ: « Какъ безразсудно судитъ о человѣкѣ
« по одеждѣ или по ремеслу, которое также
« ничто иное, какъ одежда? — Онъ рабъ —
« но можетъ быть онъ свободенъ духомъ;
« онъ рабъ, — но можно ли его обвинять
« въ епомъ? не всѣ ли люди рабы? одинъ
« рабъ сладострастія, другой скупости,
« третій честолюбія; всѣ суть рабы бо-
« язни! » — Посреди сихъ краснорѣчивыхъ
порывовъ, разсужденіе Сенеки ограничивает-
ся слѣдующею дилеммою: « Будь снисхо-
« дителенъ къ рабамъ, ибо самъ можешь
« лишиться свободы! » Сенека остановился
на сей точкѣ благоразумнаго эгоизма; но
и тутъ онъ чудесенъ. Достойно замѣчанія,
что его необыкновенное уваженіе къ чело-

вѣчеству, его чистая и возвышенная мораль, его смѣлая борьба съ предразсудками, заставили думать, что онъ зналъ Евангелїе. Какое торжество религїи! — Опъ того только, что писатель начинаетъ какъ будто сквозь туманъ постигать достоинство и права человѣчества, уже называютъ его тайнымъ послѣдователемъ Христа! — Мы имѣемъ и до нынѣ мнимую переписку Сенеки съ Св. Павломъ; я говорю *мнимую:* ибо не льзя думать, чтобы сїи 14 писемъ были пѣ самыя, о которыхъ упоминаютъ Св. Іеронимъ и Св. Августинъ (см. S. Hieronymi de Script. Eccles. c. 12. и S. Augustini Epist. ad Maced. 153. §. 14, послѣднїй съ сомнѣнїемъ). Если сїя переписка когда либо существовала, то она конечно не дошла до нашихъ временъ; та, которую мы нынѣ имѣемъ, есть слабый опытъ ученика. Такъ думали *Юстъ-Липсїй*, славный издатель Сенеки и всѣ лучшїе критики. Впрочемъ Сенека имѣлъ случай слышать о Св. Павлѣ, ибо его братъ Галлїонъ былъ Проконсуломъ Ахаїи и въ Коринѳѣ защитилъ Св. Павла отъ Іудеевъ, изгнавъ ихъ изъ судилища (см. Дѣянїя Апостол. Гл. XVIII. 12). Полагаютъ по преданїю, что Сенека познакомился

съ Св. Павломъ во время его заточенїя въ Римѣ. Сходство нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его посланїй съ мыслями и выраженїями Сенеки удивительно (см. любопытную статью въ Schoell Hist. de la litt. romaine. T. II. pag. 445 et seq.). Кроткое, по тогдашнимъ временамъ смѣлое сужденїе о рабствѣ и рабахъ, могло бы оправдать предположенїе, что религїя Христїянская имѣла вліянїе на мораль Сенеки.

(5) Гдѣ *понятїя* между собою существенно различествуютъ, тамъ слѣдовало бы различествовать и *названїямъ*. Полліонъ, другъ Августа, могъ приказать въ присутствїи самаго Императора бросить въ воду на съѣденїе кровожаждущихъ рыбъ, слугу разбившаго хрустальной сосудъ; и Августъ приказавъ разбить всѣ прочїе сосуды сего рода, удовольствовался просить Полліона о помилованїи преступника, обнимавшаго съ воплемъ его колѣна. — Вотъ рабство древнихъ! — Рабство въ новыхъ временахъ при всѣхъ своихъ заблужденїяхъ не знало сихъ неистовствъ. Оно скрывало съ трепетомъ

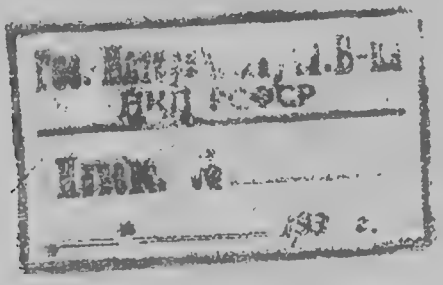
свои случайныя преступленія и вездѣ подвергалось сираведливому мщенію законовъ. Право *жизни и смерти* надъ рабами было въ Римѣ ограничено двумя законами: въ 673 году отъ осн. закономъ Силлы, *Lege Cornelia de sicariis*, и въ 813 году закономъ Консула Петронія, *Lege Petronia de Servis*. Императоръ Адріанъ въ первый разъ уничтожилъ совершенно сіе право, которое по признанію Римскихъ законоучителей существовало вездѣ: apud omnes fere gentes animadvertere possumus, dominis in servos vitæ necisque potestatem fuisse. *Institut*. L. I. Tit. VIII. § I.

(6). Наши древніе законы отъ Скандинавскаго происхожденія имѣютъ свой корень въ законахъ Германскихъ. « Замѣтимъ, « говоритъ Карамзинъ, что древніе свободные « Россіяне не терпѣли ни какихъ тѣлесныхъ « наказаній; виновный платилъ или жизнію, « или вольностію, или деньгами—и скажемъ « о сихъ законахъ, что Монтескьё говоритъ « вообще о Германскихъ: они изъявляютъ « какое—то удивительное простосердечіе; « краткі, грубы, но достойны людей тверд-

« дыхъ и великодушныхъ, которые боялись « рабства болѣе, нежели смерти» (Ист. Госуд. Росс. Т. II. стр. 63). Прибавимъ, что въ семъ отношеніи *Правда Русская* есть безъ сомнѣнія драгоцѣннѣйшій памятникъ нашей древней исторіи: Avi atque atavi nostri quum allium ac cæpe verba eorum olerent tamen optime animati erant (*Varro fragm*). Наши предки посреди своей грубости могли славиться глубокимъ чувствомъ священныхъ правъ человѣчества и гражданства, нашедшихъ нынѣ краснорѣчиваго защитника въ могущественномъ Монархѣ Сѣвера. Кто могъ безъ благоговѣнія читать слѣдующее мѣсто Его достопамятной рѣчи? « Prouvez à vos contemporains, que les « institutions libérales, dont on prétend con- « fondre les principes à jamais sacrés avec les « doctrines subversives qui ont menacé de « nos jours, le système social d'une épou- « vantable catastrophe, ne sont point un « prestige dangereux; mais que réalisées avec « bonne foi et dirigées surtout avec pureté « d'intention vers un but conservateur et « utile à l'humanité, elles s'allient parfaite- « ment avec l'ordre, et produisent d'un com- « mun accord la prospérité véritable des

« nations. » (*Discours prononcé à l'ouverture de la Diète de Pologne le* $\frac{15}{27}$ *Mars* 1818). — Сіи слова содержатъ обѣтъ всѣхъ благомыслящихъ, и краткое, но сильное начертаніе обязанностей всѣхъ и каждаго изъ нихъ.

(7). Уже въ Римскихъ законахъ находимъ мы слѣды освобожденія чрезъ военное ремесло, см. *Nov.* 81. *Tit. X. de Emancipatione.*

(8). Одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ крестовыхъ походовъ есть кодексъ, составленный Готфридомъ Бульонскимъ для Королевства Іерусалимскаго: *Assises de Jérusalem* или *Lettres du St. Sépulcre.* Въ семъ кодексѣ видно уже значительное усовершенствованіе феодальныхъ понятій, какъ-то, учрежденіе прибуналовъ, въ которыхъ каждый былъ судимъ своими равными (первый зародышъ *присяжныхъ*, издревле извѣстныхъ въ Россіи, см. Карамзина Ист. Госуд. Росс. ч. II, стр. 62.) Но между тѣмъ въ тѣхъ же законахъ Готфрида цѣна *раба* равня-

лась съ цѣною *ястреба*, а верховая лошадь цѣнилась противъ *поселянина* или *военноплѣннаго*. (См. Coutume de Beauvoisis, par Beaumanoir, et Assises de Jérusalem, par Thaumas de la Thaumassière. Bourges, 1690. in-fol.).